

ИВАН САВИН
(1899–1927)

Пасхальный жених
Рассказ

— **Н**-да, времечко, можно сказать. Бродишь по этому несчастному Крыму, как бездомный пес. Праздника даже негде встретить.

— Это верно, милые наступили времена. Как говорилось в наших краях: жисть ты мотузяна и колы ж ты перервышься!..

С сердцем швырнув изгрызенную папиросу в песок, смешанный с перламутровой массой мельчайших морских раковин, Рогов снова — в который раз? — обвел скучающими глазами тощий сквер, сбегавший к пристани однообразно-желтой дорогой. Давно уже апрельские ночи медленно плыли над

городом и тесной цепью гор; огромная скала — как вожак исполинского стада, идущего на водопой, — купала в спокойных волнах черную свою голову. С моря веяло крепким, древним запахом рыболовных сетей и соли, с гор — горьким ароматом цветущего миндаля и прохладным, странно волновавшим Рогова светом апрельских звезд.

Разрывая полумглу, между чахлыми кипарисами изредка проходили люди. У некоторых из них в напряженно сжатых руках горели свечи, защищенные от ветра бумагой. Смеясь и подпрыгивая, прокатился по аллее белый шарик — маленькая девочка в пуховом пальто. Задевая за землю большим цветным фонарем, она кричала назад:

— Мама, сколей! Мама, уже в целькви колокольчик звонит!..

Рядом с Роговым, на широкой каменной скамье, сидел товарищ по полку Павловский, долгоязыый, рыжий вольноопределяющийся из семинаристов. На краю соседней скамьи темнела женская фигура. Контуры ног в светлых чулках рельефно выделялись на сером пузырчатом камне. Уже с четверть часа незнакомка неподвижно и молчаливо смотрела в море.

■ Пасхальный жених ■

— В церковь пойти, что ли, — сказал Павловский, сморкаясь в красный, выданный англичанами платок (смеялись в полку над этими платками долго и зло).

— Грустно мне, брат, до чертиков. Хоть бы какой ковер-самолет появился, унес бы на земли орловские — к папаше на разговены.

— Жди! — желчно рассмеялся Рогов и, помолчав немного, стал мечтать в свою очередь: — Был бы я в Киевщине — и горя мало. Там у нас обычай есть хороший: каждая семья в пасхальную ночь приглашает к себе бездомного. Можно было просто постучаться в первую дверь. Так-то, мол, и так-то — приютите. И что ты думаешь? Приютили бы, обязательно бы приютили. А здесь к кому постучишься? К татарью, что ли. А русский, беженский люд сам больше по чужим дворам бродит...

Семинарист встал, потягиваясь:

— Ясно, как бублик. Ну-с, я побреду.

— Тоже — по чужим?

— А ну их! Загляну в церковь, а оттуда — в наши бараки, на боковую.

Павловский ушел, грузно передвигая ноги в тяжелых сапогах. Когда умолк мерный

шорох шагов, с соседней скамьи звонким, чуть лукавым голосом спросили:

— Вы киевлянин?

Неожиданность вопроса смутила Рогова.

— Собственно говоря, я не из самого города, я из губернии...

— Это все равно, я тоже киевлянка. Хотите постучаться в нашу дверь? Мы древние обычаи помним.

— Спасибо большое, но...

На скамье засмеялись.

— Никаких «но». Вы мне, землячке, бросили вызов, и я отвечаю. Дисциплина прежде всего, а потому — шагом марш! Прошу не забывать, вольноопределяющийся, что я — дочь генерала и, следовательно, нечто вроде вашего прямого начальства.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Однако как на мое вторжение посмотрит генерал?

— Генерал сейчас еще на Кубани, а пойдем мы с вами к моей тетке, у которой я живу. Тетка же посмотрит только моими глазами.

— А разрешите узнать: какого они цвета? — сказал Рогов, удивленный несколько своей храбростью (очень уж остро пылали апрельские звезды).

■ *Пасхальный жених* ■

— Темно-карие, как у шевченковской Катерины. Удовлетворительно?

Лихо, как ему показалось, вольноопределяющийся щелкнул шпорами.

— Весьма. Но еще один вопрос... — Он подошел, уже менее лихо, к соседней скамье. — Еще вопрос: как вы отрекомендуете вашим родным столь неожиданного гостя? Одного обычая тут, пожалуй, будет мало?

Вставая, незнакомка попала в полосу света. Под белой шляпой приветливо улыбнулось хорошенькое розовое лицо.

— Очень просто: как своего жениха. Я давно шутя уверяла тетку, что у меня есть жених. Уж ради одной оригинальности таких разговен — вы, конечно, согласитесь. Домишко наш близко, два шага.

Девушка неторопливо пошла по скрипящим раковинам. Рогов следовал за ней, все еще не придя в себя в достаточной мере.

— Как все-таки это странно... — говорил впереди звонко-лукавый голос. — В церкви было душно, я вышла подышать морем. И вдруг — земляк, да еще бездомный. Да еще, оказывается, — мой жених, ха-ха... Вольноопределяющийся, шагайте быстрее. Заутреня скоро

кончится. Хоть вы и наш будущий родственник, но все же неловко заставлять себя ждать.

Пройдя сквер, площадь с каким-то грузным памятником, пройдя огромную, темную теперь, витрину с маленькими флажками на карте перекопского фронта, неожиданная невеста Рогова вошла в подъезд небольшого, с плоской крышей дома. Дикий виноград покрывал его зеленой муфтой. Окна были освещены («Тетка уже дома...» — подумал неожиданный жених).

В передней, заставленной чемоданами, корзинами и мешками с мукой, вошедших встретила маленькая, круглая женщина с черной бородавкой на левой щеке. От нее вкусно несло куличами и гиацинтами.

Девушка громко поцеловала бородавку.

— Тетичка, вот и я. Помнишь, я говорила тебе о своем женихе. Вы все не верили с дядей. Так вот вам, полюбуйтеся — мой суженый. Ему негде разговеться. Не выгонишь?

Круглая женщина ответила почти басом:

— Уж ты без глупостей не можешь. Милости просим, конечно. Чем богаты, тем и рады. Вешалка вот здесь, за зеркалом. Вы какого полка?

— Ахтырского гусарского.

Бородавка комично запрыгала.

■ *Пасхальный жених* ■

— Вот оно что-о-о! Недаром Наталка («Значит, мою невесту зовут Натальей...» — подумал Рогов) все о гусарах болтала. Драгуны, говорит, пакость, уланы, говорит, тоже, а гусары...

— Ей-богу же, тетичка, я этого не говорила, — сказала, краснея, Наталка, входя в столовую.

Взглядом знатока Рогов бегло осмотрел пасхальный стол и остался им доволен. Несмотря на беженские дни, тетя с бородавкой и пышных куличей напекла, и молочного поросенка артистически подрумянила, и пасху сырную изюмом изукрасила. Недавним детством, родными краями повеяло от малороссийской колбасы, польских баб.

Из-за куличей показалась лысая, румяная, как поросенок, голова с падающими вниз казацкими усами. Усы зашевелились, проскрипел надтреснутый, добродушный говорок:

— А я, признаться, проголодался, тайком от супружницы колбаску вилкой ковырнул. Садитесь, молодой человек. Впрочем, Наталка, представь же меня будущему племяннику... — Он поднялся со стула и поклонился: — Прошу любить и жаловать: Никита Федорович Гончаренко, бывший помещик и слуга отечеству, а ныне — недорезанный буржуй.

Смущенно щуря темные, похожие на сливы глаза, девушка засуетилась:

— Ах да! Вот, мой дядя, дядя Ника, а это — жених мой... — На минуту Наталка замолкла, но, притворно кашлянув в маленький кулачок, добавила решительно: — Мой жених, Евгений Николаевич...

Звали Рогова Павлом Петровичем. Он растерянно стал теревить пуговицу френча.

К счастью, жест этот остался незамеченным: дядя Ника расставлял приборы, снимал с подоконника бутылки, мурлыкая вполголоса:

— Да, согрешил я, милые мои, оскоромился преждевременно.

Когда в столовую вошла хозяйка, бывший помещик заявил торжественно:

— Теперь поздравим друг друга с Великим праздником. Христос воскрес, милые.

Он троекратно поцеловал жену, племянницу, кольнул щеку Рогова казацкими усами. Наталка звучно приложилась к теткиной бородавке, поцеловала дядю и подошла к вольноопределяющемуся, тяжело и взволнованно дыша. У Рогова даже уши залил густой, детский румянец. Для чего-то переставляя стулья, девушка наконец сказала:

■ Пасхальный жених ■

— Я с Женей уже христосовалась в церкви, дядя.

Седые усы опять запрыгали:

— Что-с? Это непорядок, Наталка, и даже грех. Как старый сердцеед, чую, что неоднократно и многократно вы уже целовались, так сказать, под луной. Простите, молодой человек, но вы не были бы гусаром, ежели бы не воспользовались сим правом жениха. Скажите: целовались под луной?

— Да... — глотая слова, сказал Рогов. — Неоднократно.

— И после этого ты, Наталка, не хочешь похристосоваться? Ну?

Розовая рука легла на зеленое сукно френча.

— Христос воскрес, милый...

Этот «милый» и теплота влажных, полуоткрытых губ легким вином наполнили сердце Рогова. Он не сразу опустил руку, с дрожью упавшую на плечо девушки. Дядя захохотал:

— Вы, молодой человек, далеко пойдете... Ну-с, приступим.

Разговинны прошли ласково и весело. Кто-то («А может быть, это любовь?» — думал безусый гусар...) сбросил тяжесть междуусобных лет с этих плеч, молодых и старых. Дядя Ника,

отдав должное красному вину («...молодой человек, обратите внимание: старорежимное, удельное...»), красочно вспоминал пасхальные ночи, обряды и обычаи родной Киевщины. Текли по черной бородавке обильные слезы. Все темнее, прекрасней и ближе мерцали крупные сливы Наталкиных глаз.

Уже лилось в окна сиреневое молоко рассвета, когда Рогов уходил из белого домика в виноградной муфте. Наталка вышла с ним в переднюю. Дрогнула ее протянутая рука. Кружилась у гусара голова — не то от вина, не то...

— Прощайте... — сказала девушка, все еще не отпуская руки. — Прощайте, пасхальный жених. Странно, целовались мы, а я даже имени вашего не знаю...

Рогов уронил фуражку, поднял ее, сказал, не узнавая своего голоса:

— Разве это надо? Разве важно? Наташа, только в мае мы уйдем на фронт. И я хотел... хотел спросить, просить вас, чтобы — не «прощайте», а — «до завтра»... Наташа, скажите, можно мне считать...

— Как все-таки странно все это... — В сливах рассыпались звезды.

■ Пасхальный жених ■

— Да, странно... Наташа, можно считать все, что было, — настоящим? Невесту не только пасхальной? Чтобы все это повторилось, там — под луной?..

Через пять минут шел по пустынной улице вольноопределяющийся Рогов, чувствуя не отлетевшую еще теплоту влажных губ, уронивших так просто и неожиданно это звездное слово — «люблю». Все смеялось в это раннее феодосийское утро: и сердце гусара, и близкий гул моря, и трехцветные флажки на карте в огромной витрине. И казалось Рогову, что флажки эти не угрожающе жмутся к Перекопу, а широким веером хлынули вперед, заливая родную Киевщину, Москву, всю Россию...

